

Территориальная организация башкир и особенности местного самоуправления в башкирском крае со второй половины XVI века до 1917 года

И.З. Самситдинов^{1✉}, И.З. Самситдинов¹

¹Уфимский университет науки и технологий

Заки Валиди, д. 32, г. Уфа 450076, Российская Федерация

✉ e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Резюме

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа истории развития местного самоуправления в Башкортостане, что связано с рядом нерешенных вопросов как правового и государственного, так и общеполитического, социологического и политического характера. Вопросы развития местного самоуправления в Башкортостане, как составной части общероссийского процесса, находятся в стадии активного реформирования, что обуславливает поиск оптимальных моделей демократического развития. Важным аспектом является исследование внутренних противоречий и политической раздробленности Башкирии, которые предопределили поэтапный характер её присоединения к России. Период с 1864 по 1917 год характеризуется особым вниманием к местному самоуправлению и влиянию земских и городских реформ на башкирское население, а также ограничениям, вызванным колониальной политикой Российской империи.

Целью настоящего исследования является всестороннее изучение института местного самоуправления, а также выявление и анализ его влияния на формирование и развитие социальной, политической и культурной идентичности башкирского народа как важного компонента его исторического самосознания и этнокультурной самобытности.

Задачами исследования: отразить всю действительность, которая происходила после присоединения башкиров к Российской империи.

Методология. В исследовании использовались такие методы научного познания, как исторический, сравнительный, метод анализа, синтеза, обобщения, систематизации, а также некоторые другие методы.

Результаты. В ходе исследования установлено, что даже с введением местного самоуправления положение башкир не изменилось существенно, и они продолжали оставаться лишенными политического самоопределения и национальной автономии.

Вывод. Установлено, что, несмотря на наличие волостных старшин, представляющих интересы башкир и татар, ключевые позиции управления оставались за великими русскими помещиками и чиновниками, которые не проявляли интереса к национальным нуждам угнетенных народов.

Ключевые слова: Российская империя; Золотая Орда; башкиры; реформы; местное самоуправление; правительство.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Самситдинов И.З., Самситдинов И.З. Территориальная организация башкир и особенности местного самоуправления в башкирском крае со второй половины XVI века до 1917 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 271–285. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-271-285>.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Принята к публикации 29.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Territorial organization of the bashkirs and features of local Self-government in the Bashkir region from the second half of the 16th century to 1917

Ilfat Z. Samsitdinov^{1✉}, Ilnur Z. Samsitdinov¹

¹Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi, Ufa 450076, Russian Federation

✉ e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of this study is due to the need for a comprehensive analysis of the history of the development of local self-government in Bashkortostan, which is associated with a number of unresolved issues of both legal and governmental, as well as general philosophical, sociological and political nature. The issues of the development of local self-government in Bashkortostan, as an integral part of the all-Russian process, are under active reform, which leads to the search for optimal models of democratic development. An important aspect is the study of the internal contradictions and political fragmentation of Bashkiria, which predetermined the gradual nature of its accession to Russia. The period from 1864 to 1917 is characterized by special attention to local self-government and the impact of zemstvo and city reforms on the Bashkir population, as well as the restrictions caused by the colonial policy of the Russian Empire.

The purpose of this study is a comprehensive study of the institution of local self-government, as well as the identification and analysis of its impact on the formation and development of the social, political and cultural identity of the Bashkir people as an important component of their historical identity and ethno-cultural identity.

Objectives of the study are to reflect the entire reality that took place after the Bashkirs joined the Russian Empire.

Methodology. The study used such methods of scientific knowledge as historical, comparative, method of analysis, synthesis, generalization, systematization, as well as some other methods.

Results. The study established that even with the introduction of local self-government, the position of the Bashkirs did not change significantly, and they continued to be deprived of political self-determination and national autonomy.

Conclusion. It was established that, despite the presence of volost elders representing the interests of the Bashkirs and Tatars, key management positions remained with the great Russian landowners and officials who showed no interest in the national needs of the oppressed peoples.

Keywords: Russian Empire; Golden Horde; Bashkirs; reforms; local self-government; government.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Samsitdinov I.Z., Samsitdinov I.Z. Territorial organization of the bashkirs and features of local self-government in the Bashkir region from the second half of the 16th century to 1917. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):271–285. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-271-285>.

Received 03.06.2025

Accepted 29.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Необходимость комплексного анализа истории развития местного самоуправления в Башкортостане в настоящее время связана с рядом нерешенных вопросов как правового и государственного, так и общеполитического, социологического и

политического характера. Вопросы развития местного самоуправления в Башкортостане как составной части общероссийского процесса находятся в стадии активного реформирования, что обуславливает поиск оптимальных моделей демократического развития. Несмотря на значительное количество работ, посвящен-

ных историческим и современным аспектам строительства местного самоуправления в Башкортостане, комплексное исследование вопросов становления, формирования и интеграции местного самоуправления региона в российское правовое пространство остается недостаточно изученным. В рамках данной работы акцент сделан на историко-теоретических аспектах исследуемой проблемы.

Отдельные исторические и теоретические аспекты исследуемых проблем в том или ином виде рассматривались в трудах П. Ашлей, Р. Гнейста, П. Лабанда, А. Токвиля, Л. Штейна, С.А. Авакьяна, В.П. Безбородова, А.И. Насильчикова, И.В. Выдрина, А.Д. Градовского, И.Р. Гибаева, З.Д. Еникеева, М.Д. Загряцкого, А.Н. Кокотова, К.М. Коркунова, М.А. Курчинского, Н.И. Лазаревского, В.А. Лапини, М.Ф. Маликова, Г.С. Михайлова, В.Д. Первалова, В.В. Погосского, М.И. Свешникова, В.И. Фадеева, Б.Н. Чичерина. Они положили начало научному и практическому пониманию характера и специфики формирования исторической и национальной концепции развития местного самоуправления.

В исторической науке исследованием проблем развития башкирского общества, управления и местного самоуправления заняты А.З. Асфандиров, Б.А. Азнабаев, Н.В. Бикбулатов, З.Ф. Гатаулина, Р.Г. Буканова, Н.Ф. Демидова, Т.С. Искужин, Ф.А. Ишкулов, А.Н. Тимонин и др.

В коллективной работе Ф.А. Ишкулова, Т.С. Искужина, З.Ф. Гатауллиной [1] рассматривается история становления государства и права Башкортостана в составе СССР. В свою очередь Б.А. Азнабаев и Р.Г. Буканова в своих трудах выявили управленческие особенности башкирского общества с момента их появления до нынешних времен [2; 3; 4; 5]. Каждый из указанных ученых изучает либо определенный период истории Башкортостана и оценивает как правовые, так и социологические, этнические и иные его характеристики, присущие изучаемому времен-

ному промежутку, либо делает общие этнографические изыскания.

Таким образом, ряд вопросов, анализируемых в исследовании, еще не получили должного научного обоснования, поэтому исследование, направленное на обобщение и систематизацию состояния и тенденций развития организации и деятельности местного самоуправления в Башкортостане, представляет значительный научный и практический интерес.

Методология

Методологической основой исследования является комплексный подход, включающий применение различных методов научного познания.

Исторический метод используется для изучения развития местного самоуправления в Башкирии в хронологической последовательности, выявления закономерностей и особенностей каждого этапа.

Сравнительный метод применяется для сопоставления различных моделей местного самоуправления, существовавших в Башкирском крае и других регионах России, а также для выявления общих черт и различий в их функционировании.

Метод анализа позволяет разделить исследуемый объект на составные части и изучить каждую из них в отдельности, выявляя их взаимосвязи и влияние на развитие местного самоуправления в целом.

Метод синтеза используется для объединения полученных результатов анализа в единую картину, позволяющую сформулировать целостное представление об истории и современном состоянии местного самоуправления в Башкирии.

Метод обобщения применяется для выявления общих тенденций и закономерностей в развитии местного самоуправления, а также для формулирования выводов и рекомендаций, имеющих практическое значение.

Помимо указанных методов, в исследовании используются и другие об-

щен научные методы, такие как системный подход, позволяющий рассматривать местное самоуправление как сложную систему взаимосвязанных элементов, а также формально-юридический метод, применяемый для анализа нормативных правовых актов, регулирующих деятельность местного самоуправления.

Результаты и их обсуждение

Интересы дальнейшего объединения русских земель и необходимость защиты населения от набегов татар заставили Русское государство начать в середине XV в. прямую вооруженную борьбу с Казанским ханством, и события эти отразились на неоднозначных судьбах башкирского этноса. Географически Башкирия непосредственно граничит на протяжении сотен километров с Казанским ханством, к тому же значительная часть уже принудительно была введена в территории Казанского ханства и соседней Ногайской Орды, в которых все более возрастало турецкое влияние. Башкиры по своему языку, культуре и быту были близки к казанским татарам [6, с. 175].

У единого Русского государства в течение всего исторического времени было множество скрытых противников и открытых врагов, и главным врагом Русского государства к XVI в. на восточных границах стало сильное Казанское ханство, правители которого продолжили открытую агрессивную политику всеми доступными способами и методами ведения войны завоевания и закабаления народов, прежде всего на западных рубежах [7, с. 194]. С самого начала своего государственного оформления как отдельного и самостоятельного ханства они не сумели выработать оригинальной политической стратегии и продолжили агрессивную, завоевательную политику своих предшественников, канувших в лету правителей Золотой Орды, но еще более жестокими средствами истребления соседних этносов, полного их уничтожения и превращения части населения в ра-

бов. В Казанском ханстве политический и социальный строй, основные методы государственного управления во многом были идентичными таковым в Крымском и Астраханском ханствах. Вся высшая политическая власть сконцентрирована в руках одного человека – верховного хана, хотя как элемент псевдодемократии созывался коллективный орган, выполняющий чисто декоративные функции утверждения решений хана, и все же для решения судьбоносных задач время от времени созывался курултай, решение на котором принимали уже коллективно, всеми крупными феодалами и собственниками основных средств производства и природных ресурсов, но главным и верховным распорядителем и собственником всего и вся выступал хан [8, с. 236].

Во второй четверти XVI в. Русское государство вступило на путь решительной борьбы с Казанским ханством. Военный конфликт России с Казанским ханством был неизбежен не только в плане борьбы с казанско-турецкой агрессией. Казанское ханство держало в своих руках волжский торговый путь, мешало развитию торговых отношений России с восточными странами. В то же время Казанское ханство препятствовало распространению русской колонизации дальше на восток, в богатые пушниной районы Западной Сибири. 2 октября 1552 г. после полуторамесячной осады Казань была взята. Силой русского оружия был сломлен один из наиболее опасных врагов Русского государства, наследовавший агрессивные тенденции Золотой Орды. Вместе с тем был разгромлен оплот реакционных сил, стремившихся установить свое господство в Восточной Европе и сломить растущую мощь Русского государства. С падением Казани и присоединением Казанского ханства границы Русского государства приблизились к Башкирии [9, л. 1].

Следует отметить, что с момента подчинения Западной Башкирии Казанскому ханству одной из тяжелых повин-

ностей башкир была военная служба. Наряду с уплатой обременительного ясака башкиры принуждены были по требованию хана выставлять определенное количество вооруженных воинов для участия в завоевательных походах или на бегах казанских феодалов. Военную службу в пользу Казанского ханства несли не только башкиры, но и другие покоренные народы, но башкирскую родоплеменную знать казанский хан считал выгодным использовать на дипломатическом поприще, чтобы через них в некоторой степени смягчить мнение о себе как исключительном агрессоре и завоевателе. Один из башкирских биев Килимбет в 1508 г. ездил по поручению казанского хана Мухаммед-Эмина в Москву в качестве посла к Ивану III [10, с. 76]. Казанские ханы использовали башкир и на последних этапах борьбы с Москвой. В западных районах Башкирии бытует чрезвычайно много преданий и легенд, связанных с этим периодом истории народа. Содержание большинства этих преданий сводится к следующему: по зову казанского хана тысячи башкир-воинов принуждены были идти защищать Казань от русского наступления. Все они были вооружены луками, копьями и имели запасных лошадей со всем снаряжением. В то же время башкирская феодальная знать, которая к этому времени экономически окрепла, стремилась к политической самостоятельности. Предводители башкир, знавшие положение в Казани, учли реальное соотношение сил. Предвидя неизбежный крах Казанского ханства, они воспользовались сложившейся обстановкой, чтобы навсегда покончить с вековой зависимостью.

В середине XVI в. ногайские мурзы уже не представляли собой той грозной, непобедимой силы, какой они были для башкир несколькими десятилетиями раньше, этому способствовали несколько факторов: во-первых, это последствия междоусобной вооруженной борьбы между отдельными кланами за верхов-

ную власть, во-вторых, это неурожай и последовавший за ним голод и вымирание населения, а также привнесенная чума, поразившая в конце 1540-х гг. большую часть Поволжья. Ногайские правители уже к этому времени были не в состоянии удержать власть, обозначились два фронта противостояния: против Русского государства и против подъема освободительного движения башкир. Видные ногайские родо-племенные союзы, кочевавшие в Башкирии, после окончательного падения в 1552 г. Казани приняли единственно правильное геополитическое решение: они окончательно покинули обжитые места кочевок и, увлекая за собой часть башкирского населения, мигрировали в более благоприятные по климатическим условиям низовья р. Волги и на северный Кавказ. Вполне логически объяснимо, что все ногайцы в силу объективных обстоятельств могли переселиться, и в дальнейшем они мирными способами ассимилировались с башкирским этносом. Основную тяжесть междоусобиц несли трудящиеся башкиры, не прекращавшие борьбу за освобождение от гнета ногайских, казанских и сибирских феодалов [11, л. 23].

Политическая раздробленность Башкирии не могла обеспечить единовременного вхождения башкир в состав Русского государства. Процесс присоединения Башкирии к Русскому государству продолжался с 1553–1554 гг. до 1557 г. Первыми приняли русское подданство западные башкирские племена. Произошло это событие некоторое время спустя после взятия Казани, примерно в 1554 – начале 1555 г. Как правило, каждое башкирское племя посылало свое посольство [12, л. 39].

Следующим крупным шагом в этом процессе было присоединение башкирского племени мин. Присоединение минских башкир к Русскому государству предшествовала длительная борьба с ногайцами. Вслед за минцами в том же 1555 г. посольство к «белому царю» от-

правили башкиры племени юрматы – восточные соседи минцев. Юрматынцы и минцы с давних времён были связаны друг с другом. Некогда эти два племени входили в один племенной союз и подчинялись одному хану. В период ногайского господства племена юрматы и мин часто объединялись в борьбе против общего врага. Накануне присоединения юрматынцев к Русскому государству у них происходили события, аналогичные тем, которые предшествовали прибытию в Казань посольства минских башкир. Об этом подробно рассказывает шежере башкир племени юрматы «О подданстве белому царю». В конце 1555 г. объединённое посольство в Казань направили юго-восточные племена усерган, кыпсак, бурзян и тамьян. В состав посольства юго-восточных башкир к московскому царю вошли крупные башкирские феодалы – представители родоплеменной знати [13, с. 22].

В 1555 – начале 1556 г. посольства в Казань направляли северо-восточные племена. Однако не все северо-восточные башкиры направили свои посольства к наместнику русского царя. В середине XVI в. и позднее башкиры, жившие по рекам Аю, Юрюзани, на северных отрогах Южного Урала и в Зауралье, были в зависимости от Сибирского ханства, враждебно настроенного против России. Поэтому в 1555 – начале 1556 г. посольства в Казань направили только западные табынцы, жившие в соседстве (севернее) с юрматынцами и кыпсаками. Следует отметить, что в течение 1555 – начале 1556 г. в составе Русского государства оказалась вся Башкирия, за исключением той её части, которая подчинялась Сибирскому ханству. Однако в Казани присоединение башкир к Русскому государству окончательно не завершилось. Здесь башкиры ещё не получали царских жалованных грамот, которыми закреплялось их подданство русскому царю. Жалованные грамоты башкиры получали в Москве, когда их посольства прибывали к

самому царю. В Москву башкиры направляли свои посольства спустя примерно год после посещения Казани. Большинство посольств побывало в Москве в конце 1556 – первой половине 1557 г. [11, л. 22]

Способ землевладения и землепользования первоначально у башкир утвердился как общинный, земля почиталась и принадлежала всему племени или роду, поэтому по спорным вопросам пользования и восстановления плодородия башкиры выступали не как индивидуальные собственники, а как представители единого собственника – общины. Ясак башкиры выплачивали от имени всей волости или отдельным родом за общую земельную вотчину. Но ко времени вхождения башкирского населения в состав единого Русского государства общинное владение землей как социальный и экономический институт были разрушены, собственниками стали отдельные баи – феодалы [14, с. 37].

Во второй половине XVI в. южная граница Башкирии соприкасалась с кочевьями ногайских улусов, чья знать все еще надеялась восстановить свое господство над башкирским населением. Однако в начале XVII в. ногайцы потерпели сокрушительное поражение от калмыцких войск, продвигавшихся в регион Южного Урала, что вынудило их отступить от башкирских рубежей. Это событие положило начало длительному периоду соперничества между башкирами и калмыками за контроль над плодородными пастбищными угодьями. Калмыцкие феодалы стремились к захвату башкирских кочевий, но башкиры оказывали им активное и упорное сопротивление [15, с. 105]. К концу XVII в. натиск калмыков ослаб в связи с миграцией значительной части их племен на восток. На южных и юго-восточных границах Башкирии появились новые соседи – казахские племена, также претендовавшие на часть башкирских пастбищ.

Одной из ключевых задач воеводского аппарата управления был сбор налогов и различных повинностей с населения. Ясак с башкир, тептярей, бобылей и других народов взимался на основании «окладных ясачных книг». Воевода обладал широкой юрисдикцией над всем населением Башкирии. В 1728 г. представители четырех башкирских дорог документально подтверждали, что с момента основания Уфы «судьей... всегда был... один воевода». Однако некоторые вопросы, касающиеся земельных споров, имущественных прав и разводов, башкиры решали на своих собственных третейских судах, сохраняя элементы традиционного самоуправления [16, с. 123].

В период с середины XVI до первой трети XVIII в. башкиры обсуждали важнейшие вопросы общественной жизни на народных собраниях, известных как йыйыны. Однако центральное правительство постепенно ограничивало их право на проведение подобных собраний, опасаясь проявлений сепаратизма. Указом от 11 февраля 1736 г. башкирам было разрешено собираться «к речке Чесноковке» только один раз в год для проведения общих собраний представителей всех четырех дорог [17, л. 137–139]. В 1739 г. правительство наложило запрет на подачу коллективных челобитных от имени всего башкирского народа. Башкиры могли обращаться с прошениями только от имени населения одной волости, и лишь в исключительных случаях – «от всякой дороги». Это ограничивало возможности башкир влиять на решения центральной власти [12, л. 40].

В начале XVIII в. приказная и воеводская система управления в стране подверглась реформированию и была заменена губернской. В соответствии с указом от 18 декабря 1708 г., в России было образовано восемь губерний: Уфимский уезд преобразован в отдельную Уфимскую провинцию и включен в состав обширной Казанской губернии, но в 1728 г. Уфимская провинция перешла в непо-

средственное ведение Сената, вследствие ее исключительной значимости в экономическом и военном отношении, зауральская же часть Башкирии, наименее населенная, расположенная к востоку от Уральских гор, осталась в составе Тобольского уезда Сибирской губернии.

В 1798 г. в Башкирии кантонная система управления, полномочия которой распространялись не только на башкир, но и на мишарей, оренбургских и уральских казаков, во многом способствовала экономическому и социальному развитию региона. Главной целью реформы было стремление центральной московской власти усилить позиции государства на юго-восточной границе империи, укрепить авторитет политической власти в регионе. Кантонная система не была уникальным изобретением России, аналогичные системы существовали и в других государствах с военно-феодальным устройством, таких как Австро-Венгрия и Пруссия. В конце XVIII в. кантонное управление и военные поселения вводились в отдельных регионах.

Подчеркнем, кантональная система организации государственного управления происходит постепенно, и только в 1754 г. башкир и мишарей начинают призывать на воинскую службу в Оренбургскую пограничную линию [18, с. 76]. В конце 1780-х гг. уфимский губернатор генерал-лейтенант О.А. Игельстром принимает решение переводить наиболее подготовленных к службе башкир и мишарей в почетное военное сословие. Источники сообщают, что в 1789 г. 20908 башкирских дворов уже были разделены на 103 юрты (команды), под руководством старост и пятидесяти двух их помощников, назначенных Игельстромом. Для формирования Военной гвардии были назначены еще шестьдесят три полковых старейшины и 213 центурионов. В среднем на каждые 50 семей приходился один чиновник, что значительно облегчало «контроль за образом жизни и поведением населения» [17, л. 36]. В то же вре-

мя, несмотря на военную службу, башкиры официально оставались под контролем гражданской администрации, что создавало определенную двойственность в их положении. К лету 1865 г. политическая обстановка настолько стабилизировалась, что Указом от 2 июля отменялась система кантонного управления в Башкирии, упразднялось Башкирское войско. Башкиры, мишари, тептяри и бобыли переводились в отдельное податное сословие. Правительство уравнивает их в гражданских правах с «прочими свободными сельскими обывателями», подчиняет единым и общим гражданским властям – мировым посредникам, уездным и губернским по крестьянским делам присутствиям. Формируются сельские и волостные управления, сходные с подобными же государственными структурами в других губерниях, где преобладает русское население. Царское правительство, переводя башкир из военного в гражданское ведомство, окончательно уравнивает их с другими народами, тем самым вопрос о самостоятельности решается естественным путем. Русская империя к середине XIX в. на востоке дошла до Тихого океана, а на юге присоединила киргизкайсацкие (казахские) орды. Башкирия приобрела статус обычной, внутренней губернии России, и полностью отпала необходимость пограничной службы башкир, мишарей, тептярей и бобылей уже не только по Оренбургской, но и по Сибирской линиям и границам [19, с. 412].

На упразднение кантонной системы управления в Башкирии в определённой степени повлияли начавшиеся в рамках феодального строя процессы формирования капиталистических отношений. Хронологически это совпало с отменой крепостного права в России, что не было случайным совпадением. Развитие капиталистического уклада в стране шло по особому пути, обусловленному географическими факторами: в отличие от Европы, где он формировался в основном в центре, в России движение шло как

вглубь – в центральные регионы, так ивширь – на восточные и южные окраины империи. Рост капитализма «вширь» – распространение его на другие территории путем заселения их выходцами из центральных губерний страны, а также втягивания местных жителей в буржуазные производственные отношения. Башкирия и её народы постепенно шли в русло общего развития России, и они не могли остаться в стороне от капиталистического развития, хотя особенности жизни народов края (например, сохранение скотоводства у башкир, медленный переход к оседлости и т. д.) замедляли это развитие.

К 1860 г. Башкирия представляла собой многонациональный край России. В административном отношении она не была единой, более половины (52%) коренного башкирского населения проживало в Уфимской, 35% – в Оренбургской, 13% – в Пермской, Вятской и Самарской губерниях [20, с. 28].

Во второй половине XIX в. современная территория Башкортостана в основном входила в состав Уфимской и Оренбургской губерний, и уже к 1859 г. в них постоянно проживало 1977,2 тыс. человек, в первой – 1152,2 тыс. чел., во второй – 825 тыс. человек. Из них примерно 834,3 тыс. душ входили в состав регулярного башкирского войска, а 204,9 тыс. – в Оренбургское казачье войско. В собственности государства было 442,8 тыс. человек, 56,7 тыс. относились к удельным, 133,2 тыс. были в прямой крепостной зависимости помещиков и 134,6 тыс. были приписаны горным заводам. Стоит подчеркнуть, что изменение правового положения башкир, а именно отмена кантонной – военно-феодальной системы управления, совпало с земской, городской, судебной и иными типично буржуазными реформами 60-70-х годов XIX века, формально провозглашалось равенство, но при этом полностью игнорировались их национально-этнические

особенности, связанные с типами доминирующей хозяйственной и культурной жизнедеятельности. Тем самым формальное равенство выглядело во многом лишь декорацией [21, с. 56].

1 января 1864 года было утверждено и обнародовано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», что стало значительным шагом вперёд в развитии местного самоуправления. Этот акт способствовал укреплению представительных начал, расширению автономии различных социальных слоёв, а также стимулировал рост местного хозяйства и общее экономическое развитие регионов. Земская система основывалась на принципе всеобщего участия и косвенных выборов, при этом избирательные права граждан определялись их имущественным положением. Для сельского населения имущественный ценз не устанавливался: вместо этого была введена многоступенчатая избирательная схема, при которой на сельских сходах выбирались выборщики, а уже они, в свою очередь, формировали состав гласных уездных земских собраний.

В соответствии с текстом Городового положения от 16 июня 1870 г. в 509 городах России вводились всеобщие органы городского самоуправления, а именно городские думы (избирались на четыре года), и отдельные городские управы как органы исполнительной власти. Основная часть городов края оказалась подготовленной к преобразованиям, инициированным сверху [22, с. 50–52].

В 1869 и 1879 гг. поэтапно вводились должности неперенных членов по башкирским делам в составе присутствий Мензелинского, Бирского и Белебеевского уездов и особого чиновника по размежеванию спорных башкирских поземельных дач, входящего в Уфимское губернское присутствие. В 1882 г. количественный состав чиновников претерпевал изменения вследствие значительного объема измерительных и межевых работ, впо-

следствии этих неперенных членов названного присутствия заменили земские начальники. Но ни одно из перечисленных должностных лиц не представляло интересов башкирского народа. Весьма своеобразно понимая свою «цивилизаторскую» миссию, они с особенным усердием стремились к тому, чтобы уничтожить башкирские кочевки, а кочевые места утилизировать под пашни. Последствием этого явился упадок башкирского хозяйства. «Башкиры, – справедливо писал Д.П. Никольский в 1899 г., – не могли приспособиться сразу к новым условиям жизни, в особенности при такой системе управления, какая практиковалась за все это время» [23, с. 13].

Сельское и волостное общественное управление представляло собой в дореволюционной Башкирии то звено в общей структуре управления, которое было сравнительно более близким к национально-специфическим нуждам и запросам башкирского населения. На этом этапе башкиры имели относительно свободный доступ к органам административного управления. На территориях с преобладающим башкирским населением волостными старшинами, как правило, избирались представители башкир, а в татарских районах – преимущественно татары. Из 177 волостных старшин по пяти (без Мензелинского) уездам Уфимской губернии в 1914–1915 гг. 83 были башкирами и татарами, но полномочия низовых звеньев башкирского управления были ограниченными и по множеству вопросов башкирских сельских обществ и даже волостных сходов приходилось добиваться утверждения со стороны вышестоящих участков или уездных властей. Эти низовые звенья системы управления отнюдь не могли выступать как проводники национальной идеи, будучи простыми исполнителями вышестоящей административной инстанции.

В начале XX в. среди начальников различных административных районов Российской империи насчитывалось девять генерал-губернаторов и 19 военных губернаторов. Но независимо от формы управления (и в Финляндии, и в далеком Туркестане, и в татаро-башкирских районах внутренней России) от имени самодержавного русского царя властвовали его опричники разных чинов и званий. Административное устройство земель, деление на губернии и уезды проводилось без какого-либо учета национальных особенностей. В целом башкиры, татары, другие национальности Поволжья и Урала во многом были лишены политических и социальных условий для самостоятельного и полноценного развития как этносов, не могли свободно выстраивать хозяйственные отношения в пространстве собственной этнической идентичности, даже не могли всегда свободно пользоваться родными языками, не имели права на национальное самоопределение. Были лишены собственного политического управления, национальной государственности и автономии [17, л. 135].

Здравомыслящие администраторы и земские деятели нередко высказывали трезвые суждения о положении и нуждах коренной национальности Башкирии. О башкирах, обезземеливаемых колонизаторами, писал в 1906 г. в докладе губернатору уфимский либерал Плансон. Он считал, что те земли, которые хотят захватить башкиры, «...действительно нужны им» и что они в свое время «были отняты у них» [24, с. 118]. Определенную работу среди башкир и татар провели земства Уфимской губернии. Начиная с 1908 г., особенно в 1911–1912 гг., они активизировали свою деятельность в области постановки дела просвещения коренных жителей Башкирского края. Земства понимали, что «уже одно то обстоятельство, что Уфимская губерния является центром “Дикой Башкирии”, – требует

самого внимательного отношения к вопросам инородческого образования со стороны земства» [25, с. 70]. Уфимское земство принципиально считало, что для органов местного самоуправления «не должно быть “ни эллин ни иудей”, не должно быть разделения на сыновей и пасынков». Одновременно оно признавало, что при необыкновенной пестроте этнического состава населения края «не может быть создано совершенно одинаковых для всех местностей образовательных норм» и что при подготовке закона о всеобщем обучении должны быть учтены национально-специфические особенности башкир, татар и других народов [26, с. 19]. Представители Уфимского земства возбудили целый ряд ходатайств об улучшении положения мектебе и медресе, башкирских, татарских и других русско-инородческих школ, о подготовке необходимых для них педагогических кадров, о правах учителей из башкир и татар и т. д. [27, с. 125–126]

Следует подчеркнуть важный исторический факт: царское правительство директивно устанавливало ограничения на представительство нехристианского населения в органах местного самоуправления. Так, в Уфимской и Оренбургской губерниях было предписано, что число членов городской думы от нехристианских народов не должно превышать одной трети её состава. Однако на практике их доля значительно была ниже заявленных нормативов: в 1915 г. из 140 депутатов в городах Уфа, Белебей, Бирск и Стерлитамак всего лишь 27 представляли татарскую буржуазию и привилегированную часть татарской интеллигенции. Аналогично за 40 лет существования уездных земств Уфимской губернии башкиры и татары составляли всего около 314 из общего числа 1163 членов, а к 1914–1915 гг. их представительство снизилось ещё больше – из 133 гласных земств только 23 были татарами или

башкирами. За весь этот период среди председателей уездных земских управ Уфимской губернии татар было всего четыре, а башкир ни одного. В числе руководителей губернских и уездных земских управлений в 1912–1915 гг. башкиры также не присутствовали, насчитывалось всего 3–4 татарина. В губернском земском собрании в 1914–1915 гг. из 43 гласных лишь трое были татарами, а башкиры практически отсутствовали. В Государственном совете империи Уфимская губерния представлялась графом А.П. Толстым, а в Государственной думе IV созыва – пятью русскими и тремя татарами. В частности, депутат Ш.Ш. Сыртланов отметил: «Я, представитель Уфимской губернии, выбранный коренными жителями башкирами, очень немного членов этого народа в Думе» [28, с. 921].

Выводы

Введение института местного самоуправления стало важным этапом демократизации российского государственного устройства. Однако реформа земского самоуправления и система местной администрации не смогли существенно изменить политическое и правовое положение башкир как самостоятельной национальной общности. Изначально эта система носила половинчатый характер и не обеспечивала полноценного представительства или учета национальных особенностей башкир. Дополнительно к этому правительственные указы административно-управленческого характера отражали характер времени: обострение классовых противоречий и приближение революционных событий. История развития местного самоуправления в Башкирии показывает, что многонациональный народ региона, несмотря на численное меньшинство, сохранял свои национальные особенности, традиции и культурные ценности. Башкиры всегда отстаивали право на непосредственное участие в

управлении своей территорией через общины и традиционные институты самоуправления, добиваясь учета своих интересов.

Важно отметить, что с момента присоединения Башкирии к России башкиры никогда не ставили целью выход из состава государства, они воспринимали Россию как сильное государство и признавали ее власть. Российские императоры и высшие органы власти зачастую признавали право башкир на самостоятельное управление с учетом их исторических, культурных и национальных особенностей, как делали для других национальностей России (например, тептяри, мишари, русские). В этом контексте можно говорить о признании определенной автономии или особого статуса башкир. На современном этапе закрепление права населения на осуществление местной власти «с учетом исторических и иных традиций» стало важным шагом к демократическому развитию региона. Однако действующее законодательство зачастую чрезмерно регламентирует формы реализации этого права, ограничивая возможность проявления инициативы и творчества граждан на местах.

Местное самоуправление, по сути, сохраняет черты общинного строя, но при этом приобретает новые черты в рамках государственно-организованного общества: оно должно сохранять социальный элемент и обладать возможностями для многообразия форм самоорганизации граждан. Ключевым условием эффективного развития местного самоуправления является предоставление гражданам свободы инициативы и самостоятельности при сохранении рамок закона. Закон должен создавать условия для проявления творчества масс, а формы реализации этого творчества определяются народом с учетом традиций, образа жизни и исторического опыта региона.

Проведенное исследование систематизирует хронологические и методические аспекты становления и развития местного самоуправления в Башкортостане. Результаты эмпирического анализа позволяют понять текущую ситуацию с формированием институтов самоуправления в контексте нового законодательства, а также выявить особенности социальной структуры региона: его население, культуру, язык и образование. Авторы не ограничиваются лишь анализом существующих проблем; они также предлагают пути их решения, прежде всего с учетом исторически сложившихся традиций населения. Эти проблемы открывают новые горизонты для дальнейших глубоких историко-правовых исследований отдельных периодов формирования системы местного самоуправления в Башкортостане. На основе всестороннего анализа можно сделать главный вывод: только

интеграция традиций народа с современными моделями управления позволит создать эффективную систему местного самоуправления в России. Такая модель должна учитывать историческую predisposedность российского народа к самоорганизации, синтезировать отечественный и зарубежный опыт и опираться на научные основы развития гражданского общества. Только при наличии научно обоснованной модели возможно обеспечить подлинную демократическую самоорганизацию граждан на локальном уровне, развитие правового государства и формирование активных гражданских институтов. Это создаст условия для формирования полноценного гражданина – активного участника общественной жизни страны, что является необходимым условием устойчивого развития российского общества в целом.

Список литературы

1. Ишкулов Ф.А., Искужин Т.С., Гатауллина З.Ф. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 1996. 172 с.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства: (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.): монография. Уфа: БашГУ, 2005. 228 с.
3. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: БашГУ, 2016. 360 с.
4. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 261 с.
5. Буканова Р.Г., Игдавлетов И.С. Башкирия и исламский фактор в юго-восточной политике России в XVII – первой половине XIX века. Уфа: Башк. энцикл., 2021. 184 с.
6. Самситдинов И.З. Обеспечение баланса интересов при взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления: опыт и проблемы на примере РБ // Городские башкиры: урбанизация и этничность: материалы IX межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 173-175.
7. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. 2-е изд. Уфа: Китап, 2009. 296 с.
8. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с.
9. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 394. Оп. 2. Д. 425. Л. 1.
10. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 335 с.

11. НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 435.
12. НА РБ. Ф. 122. Оп. 175. Д. 46.
13. Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX веков о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству: материалы научной конференции. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. С. 22-31.
14. Хисамитдинова Ф.Г., Шарипова З.Я., Нагаева Л.Г. Родной Башкортостан. Уфа: Сонико, 1992. 301 с.
15. Очерки по истории Башкирской АССР: в 2 т. Т. 1, ч. 1 / под ред. А.П. Смирнова. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 303 с.
16. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 / под ред. Н.В. Устюгова. М.;Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 106 с.
17. НА РБ. Ф. 3190. Оп. 28. Д. 21.
18. Рахимов Р.Н. Проекты реформ Башкиро-мещеряцкого войска первой половины XIX в. // Материалы Международной научной конференции Victoria Gloria Fama, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2003. С. 76-86.
19. Гумеров Ф.Х. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа: КИТАП, 1999. 567 с.
20. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.
21. Юлдашбаев Б.Х. Проблема нации и политическое положение башкир в составе царской России. Уфа: БГУ, 1979. 88 с.
22. Самситдинов И.З. Тенденции и потенциал развития местного самоуправления в России (на материалах Республики Башкортостан) // Идель-Уральские правовые чтения: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации. Уфа: БашГУ, 2013. С. 48-54.
23. Никольский Д.П. Башкиры. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1899. 377 с.
24. Сборник документов и материалов о революционном движении 1905-1907 гг. в Башкирии / под ред. С.М. Васильева [и др.]. Уфа: Бакнигоиздат, 1956. 293 с.
25. План деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию: утвержденный Губернским земским собранием очередной сессии 1912 г. 2-е изд., доп. Уфа: Уфим. губ. земство, 1913. 86 с.
26. Отчет Уфимской губернской земской управы XXXVII очередному Уфимскому земскому собранию. Уфа: Уфим. губ. земство, 1911. 43 с.
27. Очерки деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию: 1875–1910 гг. Уфа: Уфим. губ. земство, 1910. 160 с.
28. Стенографические отчеты / Государственная дума. 1906. Сессия 1-я. Т. 2: Заседания 19-38 (с 1 июня по 4 июля). СПб., 1906. 867-2013 с.

References

1. Ishkulov F.A., Iskuzhin T.S., Gataullina Z.F. History of the State and law of Bashkortostan. Ufa: Kitap; 1996. 172 p. (In Russ.)
2. Aznabaev B.A. Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state: (the second half of the XVI - the first third of the XVIII centuries). Ufa: BashGU; 2005. 228 p. (In Russ.)

3. Aznabaev B.A. Bashkir society in the 17th – first third of the 18th century. Ufa: BashGU; 2016. 360 p. (In Russ.)
4. Bukanova R.G. Fortress cities on the territory of Bashkortostan in the XVI-XVII centuries. Ufa: Kitap, 2010. 261 p. (In Russ.)
5. Bukanova R.G., Igdayetov I.S. Bashkiria and the Islamic factor in the Southeastern Politics of Russia in the 17th – first Half of the 19th Century. Ufa: Bashk. entsikl.; 2021. 184 p. (In Russ.)
6. Samsitdinov I.Z. Ensuring a balance of interests in the interaction of public authorities and local governments: experience and problems on the example of the Republic of Bashkortostan. In: *Gorodskie bashkiry: urbanizatsiya i etnichnost': materialy IX mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Urban Bashkirs: urbanization and ethnicity: proceedings of the IX Interregional scientific and practical conference*. Ufa: IYal UNTs RAN; 2016. P. 173-175. (In Russ.)
7. Kuzeev R.G. Historical ethnography of the Bashkir people. 2nd ed. Ufa: Kitap; 2009. 296 p. (In Russ.)
8. Safargaliev M.G. The collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1960. 276 p. (In Russ.)
9. NA RB (National Archive of the Republic of Bashkortostan). F. 394. Op. 2. D. 425. L. 1. (In Russ.)
10. Usmanov A.N. Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state. 2nd ed. Ufa: Bashk. kn. izd-vo; 1982. 335 p. (In Russ.)
11. NA RB. F. 122. Op. 22. D. 435. (In Russ.)
12. NA RB. F. 122. Op. 175. D. 46. (In Russ.)
13. Asfandiyarov A.Z. Bashkir sources of the XVI–XIX centuries on the voluntary annexation of the region to the Russian state. In: *Istoricheskoe znachenie dobrovol'nogo prisoedineniya Bashkirii k Russkomu gosudarstvu: materialy nauchnoi konferentsii = The historical significance of Bashkiria's voluntary accession to the Russian state: proceedings of the scientific conference*. Ufa: Bashk. kn. izd-vo; 1982. P. 22-31. (In Russ.)
14. Khisamitdinova F.G., Sharipova Z.Ya., Nagaeva L.G. Native Bashkortostan. Ufa: Soniko; 1992. 301 p. (In Russ.)
15. Smirnova A.P. (ed.) Essays on the history of the Bashkir ASSR. Vol. 1, pt. 1. Ufa: Bashkniгоizdat; 1956. 303 p. (In Russ.)
16. Ustyugova N.V. (ed.) Materials on the history of the Bashkir ASSR. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1936. 106 p. (In Russ.)
17. NA RB. F. 3190. Op. 28. D. 21. (In Russ.)
18. Rakhimov R.N. Projects of reforms of the Bashkir-Meshcheryak army of the first half of the 19th century. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Victoria Gloria Fama, posvyashchennoi 300-letiyu Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi = Materials of the Victoria Gloria Fama International scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Military historical museum of artillery, engineering troops and communications troops*. Pt. III. St. Petersburg: VIMAIViVS; 2003. P. 76-86. (In Russ.)
19. Gumerov F.Kh. The laws of the Russian Empire on Bashkirs, mishars, tepties and bобыl. Ufa: KITAP; 1999. 567 p. (In Russ.)
20. Usmanov Kh.F. The development of capitalism in Bashkiria's agriculture in the post-reform period. 60-90-ies of the XIX century. Moscow: Nauka; 1981. 370 p. (In Russ.)
21. Yuldashbaev B.Kh. The problem of the nation and the political position of the Bashkirs in Tsarist Russia. Ufa: BGU; 1979. 88 p. (In Russ.)

22. Samsitdinov I.Z. Trends and potential of development of local self-government in Russia (based on the materials of the Republic of Bashkortostan). In: *Idel'-Ural'skie pravovye chteniya: materialy Vserossiiskoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* = *Idel-Ural Legal readings: materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the constitution of the Russian Federation*. Ufa: BashGU; 2013. P. 48-54. (In Russ.)

23. Nikol'skii D.P. Bashkirs. St. Petersburg: Tip. P.P. Soikina; 1899. 377 p. (In Russ.)

24. Vasil'eva S.M. Collection of documents and materials on the revolutionary movement of 1905-1907 in Bashkiria. Ufa: Baknigoizdat; 1956. 293 p. (In Russ.)

25. The plan of activity of the Ufa Provincial Zemstvo for public education: approved by the Provincial Zemstvo Assembly of the regular session of 1912. 2nd ed. Ufa: Ufim. gub. zemstvo; 1913. 86 p. (In Russ.)

26. Report of the Ufa Provincial Zemstvo Council to the XXXVII regular Ufa Zemstvo Assembly. Ufa: Ufim. gub. zemstvo; 1911. 43 p. (In Russ.)

27. Essays on the activities of the Ufa Provincial Zemstvo in public education: 1875-1910. Ufa: Ufim. gub. Zemstvo; 1910. 160 p. (In Russ.)

28. Verbatim reports. State Duma. 1906. Session 1. Vol. 2. Sessions 19-38 (from June 1 to July 4). St. Petersburg; 1906. 867-2013 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Самситдинов Ильфат Закиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Ilfat Z. Samsitdinov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Самситдинов Ильнур Закиевич, аспирант кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Ilnur Z. Samsitdinov, Postgraduate Student of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru